

В. П. Поршнев

Садово-парковое искусство птолемеевского Египта

На основании археологических и письменных источников прослеживаются особенности планировки и оформления садов и парков Египта периода правления Птолемеев.

Ключевые слова: садово-парковое искусство, Египет, династия Птолемеев, Мемфис, Александрия, Фаюм

Valery P. Porshnev

Landscape art in Ptolemy Egypt

On the basis of archaeological and written sources the spatial decision and design of Egyptian gardens and parks of the Ptolemaic dynasty are traced.

Keywords: landscape art, Egypt, House of Ptolemy, Memphis, Alexandria, Faiyum

Парки птолемеевского Египта оказали значительное влияние на искусство паркостроения императорского Рима. Самые известные примеры – парк на склоне Палатина, разбитый по повелению Октавиана Августа, парк Золотого дома Нерона на Эсквiline и дворцово-парковый ансамбль виллы Адриана в Тибуре. О них мы знаем по сохранившимся археологическим фрагментам, в то время как о первых имеем лишь краткие сведения античных авторов. Приблизительная реконструкция птолемеевских парков тем не менее возможна, если дополнить эти сведения папирусными текстами, а также привлечь материал по их собственным прототипам. Это священные рощи и парки при гимнасиях Греции, персидские парадизы (парки-заповедники) и регулярные египетские сады, известные нам по фресковым изображениям.

Священная роща (*hieron alsos*) представляла собой огороженное пространство, где участие человека сводилось не только к основанию святилищ в честь почитаемых в данной местности богов и богинь, но предусматривало прокладку аллей, посадку и вырубку деревьев, устройство водоемов и искусственных гротов. Наиболее интересна роща в Миезе (Македония), где Аристотель обучал Александра Македонского и его друзей, среди них – будущего правителя Египта Птолемея Лага. Там находился Нимфей (святилище нимф) со священными источниками, где, согласно Плутарху, «и поныне (через четыреста лет. – В. П.) показывают каменные скамьи (*hedrai lithinai*) и тенистые перипаты (*hyposkioi peripatoi*)»¹.

Слова Плутарха нашли подтверждение после археологических раскопок². Через всю территорию проходит длинная и извилистая тропа с растущими вдоль нее платанами. Она пересекает ручьи и небольшие водопады. Тропа заканчивается площадкой у подножья скал, в

которых прорублены большие прямоугольные входы, соединяющие внешнюю среду с тремя гротами. Два из них использовались для ритуальных целей, в третьем был ныне иссякший источник. Кроме того, как показывают сохранившиеся мраморные обломки, к искусственно выровненной поверхности скалы была пристроена колоннада ионического ордера в форме буквы Г, завершавшаяся черепичной крышей. Очевидно, она и создавала «тенистые перипаты».

Таким образом в Миезе был рукотворный парк пейзажного типа. В дальнейшем, как мы увидим, Нимфеи (гроты с фонтанами) станут неотъемлемыми элементами александрийских парков.

Статус священных рощ имели хорошо знакомые окружению Александра Македонского парки Академии и Ликей в Афинах. Вся территория Академии была обнесена каменной стеной. Вплоть до поздней античности там сохранялись жертвенники Музам, Эроту, Прометею, Гераклу, Афине и другим богам и героям³. Вмешательство человека в природный пейзаж, помимо строительства мраморных жертвенников, заключалось в устройстве оросительных каналов и в возведении перипатов (*syscioi peripatoi*)⁴. Растительный состав не отличался каким-либо изыском. Здесь были оливковые рощи, платаны, ясени, серебристые тополя. Берега каналов окружали камышовые заросли⁵.

Пейзажную планировку сохранили сады Ликей, тянувшиеся от дороги на Марафон до реки Иллис с порогами и небольшими водопадами. Здесь росли платаны и вербы⁶. При Аристотеле были построены большой перипат и святилище Муз (Мусей), как и в Академии. Прочие постройки осуществлялись уже в период руководства преемника Аристотеля – Феофраста, следовательно, спутники Александра Македонского, отправившиеся в ним в Восточный поход, их не застали. Также зверинец и ботаниче-

ский сад Ликия формировались уже в годы похода, при прямом участии Александра Македонского, посылавшего своему учителю редких животных, семена и саженцы.

Интерес к восточной фауне и флоре македоняне сочетали с желанием распространить на Востоке флору, характерную для Средиземноморья. После завоевания Вавилона Александр Македонский назначил наместником города своего казначея Гарпала. В Вавилоне завоеватели пытались акклиматизировать привезенные из Греции растения: «Александр поручил Гарпалу насадить в садах Вавилонии эллинские деревья, и среди них, ввиду тамошнего палящего жара, преимущественно деревья с густой листвой, образующие тенистые рощи».

В Бактрии и Согдиане македоняне встретили огромные персидские заповедники (парадизы), с большими стадами свободно разгуливавших зверей, изобилующие источниками, обнесенные стенами, обустроенные специально воздвигнутыми охотничьими башнями. Некоторые имели искусственные насаждения, но употребляемое у Квинта Курция Руфа наименование *petus* (роща), свидетельствует о том, что планировка парадизов была пейзажной⁸.

Наконец в Египте завоеватели увидели особый тип парков, чья планировка, наоборот, была строго регулярной: территория разбивалась на правильные квадраты и прямоугольники, границами которых служили прямые аллеи; такой же правильной формы были водоемы; деревья и кустарники одних пород занимали строго определенные участки: пальмы, смоковницы, сикоморы, миртовые деревья. Отдельные секции занимали виноградники и цветники.

Обстоятельное знакомство с египетским садоводством было обусловлено длительным пребыванием Птолемея Лага в Мемфисе. Резиденцией Птолемея стал дворец времен последних фараонов и персидского владычества. Страбон⁹ застал дворец уже опустевшим и разрушенным, но и при нем обширную территорию занимали искусственные озера и сады. В середине III столетия до н. э. царские сады используются для выращивания самых разных растений, как местных, так и завозимых в Египет. Тут произрастали оливы, лавр, средиземноморская сосна (*Pinus pinea*), виноград и овощные культуры¹⁰. Одновременно такие же опыты по культивации растений проводили царские садовники в Александрии. Но вряд ли мемфисские сады возникли позже александрийских. Скорее уже Птолемеем Лагом, за годы его пребывания в Мемфисе, были расширены и благоустроены старые сады. Значит уже тогда при дворе находились опытные садоводы, продолжившие свои труды после переезда двора правителя в Александрию. Здесь царские

парки стали частью огромного дворцового квартала, занимавшего до четверти территории города.

Несмотря на холмы город получил сеть идеально прямых улиц, строго ориентированных по сторонам света и пересекающихся под прямыми углами. Все кварталы представляли собой, таким образом, правильные квадраты. Эта градостроительная система благополучно дожила до наших дней: римляне, арабы, турки, англичане только периодически рассекали кварталы новыми улицами¹¹.

Царские парки, которые Страбон¹² называет по старому *alsè* (рощи), располагались за цепочкой дворцовых зданий вдоль набережной, охватывая полукольцом Озерную гавань. Еще римляне начали застраивать парковую зону, так что к IV в. н. э. она окончательно исчезла. В первоначальном проекте города архитектора Дейнократа, одобренном Александром Македонским, здесь предполагались не зеленые насаждения, а городские улицы, и, как показывают археологические данные, на всем будущем парковом пространстве сохранялась идеально правильная сетка кварталов-квадратов. Промежутки между ними при Птолемеях вместо улиц сделались парковыми аллеями. Царским архитекторам эта особенность позволила избежать однообразия, оформив каждый квадрат как особый ландшафт, варьируя регулярную и пейзажную планировки. Последняя подходила для окружения святилища Пана (Панея), для ботанического сада и питомника, где растения сохраняли естественный вид, для зверинца (если животных содержали не в клетках, а в вольерах). Другие участки, наоборот, отличались затейливой стрижкой деревьев и кустарников.

Паней был искусственной горой в виде огромной еловой шишки, со спиралевидной дорогой, ведущей на вершину, откуда открывались панорамы города. Страбон¹³ называет Паней каменистым (*petròdes*), но это может означать не сплошной камень, а почву, перемешанную с камнями, или земляной холм, декорированный каменными плитами.

Еще одна особенность – обилие водоемов, каналов, отдельных фонтанов и Нимфеев. Такой Нимфей описывает папирусный фрагмент III в. до н. э.¹⁴ Архитектурной составляющей Нимфея была полуротонда (*hêmisphairion*), опоясанная ионическими колоннами паросского мрамора (*Iuxnitis*, букв. – сияющие, эпитет этого сорта мрамора). Вода ниспадала по плитам асуанского гранита, струясь из искусственного грота, отделанного гиметтским мрамором (светло-серым, с темными прожилками).

Очевидно вплотную к парковой зоне примыкали знаменитый Александрийский Мусей. Описывая его, Страбон¹⁵ называет два сооружения, аналогичные тем, которые имелись в садах афинских

философских школ Академии и Ликея. А именно: перипат (П- или Г-образную колоннаду для прогулок) и экседру – раскрывающую к парку полукруглую постройку, где одна из стен заменяется сквозной колоннадой. Располагавшиеся в ней амфитеатром скамьи вмещали слушателей лекций и философских диспутов. Логично связать с парком царский гимнасий, основанный Птолемеем I. Во времена Страбона обрамленный портиками гимнасий оставался одним из самых красивых зданий города¹⁶. Опять таки парки Академии и Ликея включали в себя Мусеи (храмы Муз) и здания гимнасиев.

Большие площади должны были занимать цветники, учитывая огромное количество венков и гирлянд, необходимых для оформления любого праздника. Причем использование определенных сортов цветов, связанных с мужскими и женскими божествами, строго регламентировалось. Поэтому, кроме количества, требовалось разнообразие ассортимента.

Царские медики, несомненно, имели в своем распоряжении грядки и плантации лекарственных растений. Царские агрономы – выделенные участки, где они акклиматизировали культуры, отправляемые, затем, в царские поместья Фаюма. Климат Александрии предопределил встречу в царских садах флоры Средиземноморья и Ближнего Востока. Плющ и оливковые деревья, яблони и вишни, виноград, кусты роз, кипарис и сосна могли соседствовать с финиковыми пальмами, миртовыми деревьями, сикомором, гранатом, смоковницей, айвой (кидонской яблоней). На водоемах произрастали лотосы, равно почитаемые в качестве священных растений египтянами и греками. Примерный облик александрийских парковых водоемов и каналов можно представить по их имитации на вилле Адриана в Тибуре: канал, обрамленный портиками с кариатидами, а также экседрами и арками, в которых размещена мраморная скульптура. Помимо изображений богов там имеется натуралистически исполненная фигура нильского крокодила.

В Александрии процветает жанр декоративной скульптуры, обильно украшавшей дворцы и парки, не только царские, но и те, что строились вельможами и богатыми горожанами к востоку от города, вдоль канала, связавшего Озерную гавань с Канопским рукавом Нила, и в самом Канопе, ставшем главным местом загородного отдыха и развлечений знати. Наряду с излюбленными образами Афродиты и Диониса, наряду с нимфами и сатирами, появляются непривычные классическому искусству фигуры детей и стариков, крестьян и горожан с корзинами продуктов, египтян и нубийцев. Они занимают теперь равное положение с божествами, героями, полководцами, атлетами, философами и ораторами.

В Александрии приняло наибольший в Древнем Мире размах художественное конструирование. Оно обретает еще и сакральный смысл, благодаря отождествлению правителей с богами. Уподобление брачной пары Птолемея II Филадельфа и Арсинои II с Зевсом и Герой неизбежно побуждало уподобить и их жилище с дворцами небожителей на Олимпе, которые выстроил Гефест. К числу его творений относили самодвижущиеся фигуры (automatoi).

Подобные творения бога автоматы, произведения Ктесибия и других механиков Мусея, теперь украсили птолемеевские парки. Это могли быть модели храмов, в которых зрители показывали сцены богоявлений или жертвоприношений¹⁷, Геракл, стреляющий из лука¹⁸, играющий трубочкой¹⁹, фонтан-грот с поющими механическими птицами²⁰.

Где-то на территории парков размещался царский зверинец. Подробный перечень экзотических животных, демонстрируемых народу во время праздничной процессии²¹ упоминает слонов и львов, лошадей, сайгаков, козлов, антилоп, буйволов, страусов, оленей, верблюдов, охотничьих собак разных пород. В клетках несли попугаев, павлинов, цесарок, птиц из Эфиопии. Далее перечисляются эфиопские овцы, белые индийские быки, леопарды, пантеры, рыси, жирафы. К особо ценным, в одном экземпляре, «экспонатам» относятся эфиопский носорог и белая медведица (arktos leuké). Возможно ли было доставить в Египет обитательницу арктических широт и содержать ее там? Но и среди бурых медведей встречаются альбиносы с белой шерстью. Может быть речь идет о таком случае.

Диодор Сицилийский, посетивший Александрию в 50-е гг. I в. до н. э., утверждает, что лично видел многих животных, доставляемых в столицу в специальных клетках или контейнерах (aggeia)²². К списку экзотических животных текст Диодора добавляет огромную змею (африканского питона), длиной в сто локтей, которую изловили для Птолемея II. Автор подчеркивает, что змея была выставлена на обозрение путешественникам, посещавшим Александрию.

Сведения античных авторов дополняет папирус примерно 257 г. до н. э. Царскому казначею (диюкету) Аполлонию пишет письмо наместник Тубий (Toubias), сообщая об отправке в Александрию, для Птолемея II, лошадей, охотничьих собак, диких ослов (онагров), вьючных животных (hupozygia)²³.

Опыты царских садоводов в Александрии, где средиземноморские растения проходили как бы промежуточную ступень акклиматизации, помогли освоению главного центра греческой колонизации Египта, каковым стал Фаюмский оазис, где в середи-

не III в. до н. э. расчистили старые и вырыли новые каналы, построили плотины, вновь наполнили водой обмелевшее Меридово озеро.

Нам известны имена двух царских архитекторов, осуществлявших ирригацию и строительство. Это Клеон и Феодор. Именем Клеона называли один из прорытых им Фаюмских каналов: *tēs Kleonēs diōrhynos*²⁴.

Как раз в те годы проживавший в Александрии Архимед сконструировал получившее его имя устройство для подъема и передачи воды – знаменитый Архимедов винт. Изобрел ли он его сам или усовершенствовал механизм, уже известный на Ближнем Востоке, именно сады Фаюма являются наиболее вероятным местом его первого применения.

Фаюм, благодаря не только вложениям, но и прямому участию в ирригации лучших царских инженеров и агрономов, сильно опережал другие регионы страны по разнообразию культур. Папирус времени Птолемея III упоминает виноградники и оливы²⁵. В большом количестве произрастали мирровые деревья (*Commiphora myrrha*)²⁶, завезенные с побережья Красного моря или из Аравии. Говорится о фиговых деревьях, абрикосах, яблонях²⁷. Сажены завозились с Хиоса, из Лидии и Киликии²⁸. Хотя мы знаем о больших оливковых плантациях в Фаюме, но оливы также сажали как декоративные породы. Диойкет Аполлоний пишет своему управляющему, что в Египте оливы более подходят не для плантаций, а для парков (*paradeisoi*)²⁹. В одном из них диойкет распоряжается высадить сосны с раскидистыми кронами (*strobiloi*), приятные для зрения (*axiologoun gar opsin*)³⁰. При новых храмах, по древней традиции, создавались священные рощи³¹.

Сравнивая приведенные сведения о парках Мемфиса, Александрии и царских поместий Фаюма, мы видим, что в Египте сложился парковый стиль, гармонично сочетавший принципы пейзажной и регулярной планировки, когда все пространство разделяется на локальные участки и в одних садоводы создают имитацию природы, в других привлекают посетителей фигурной стрижкой деревьев и кустарников, локализируют разные породы на отдельных квадратах, разделяемых аллеями и живыми изгородями. Сохранилась культовая составляющая, унаследованная от священных рощ: статуи богов и жертвенники. К ним добавляются искусственные горы и насыпи, фонтаны и каскады, фигуры-автоматы, места досуга и ученых занятий (перипаты, экседры). В римских императорских парках унаследованные традиции парков птолемеевского времени получают дальнейшее развитие.

Примечания

¹ Плутарх. Александр, 7 // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 119–120.

² Описание памятника см.: Romopoulou K. Leukadia: archaea Mieza. Athena, 1997.

³ Павсаний. Описание Эллады. М., 1994. Т. 1, гл. 30, 1–4. С. 82–83.

⁴ Плутарх. Кимон, 143 // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. С. 534–549.

⁵ Аристофан. Облака, 1005–1008 // Аристофан. Комедии; Фрагменты. М., 2000. С. 200.

⁶ Платон. Федр, 230b–c // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 138.

⁷ Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. Кн. 3, вопр. 2, 1. С. 50.

⁸ Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1993. Кн. 7, 2, 22. С. 253; Кн. 8, 1, 11–12. С. 301.

⁹ Страбон. География: в 17 кн. М., 1994. Кн. 17, гл. 1, 32, 808. С. 744.

¹⁰ Thompson D. Memphis under the Ptolemies. Princeton, 1988. P. 39–40.

¹¹ McKinzie J. Glimpsing Alexandria from archaeological evidens // J. of Roman archaeology. 2003. Vol. 16. P. 43.

¹² Страбон. География. Кн. 17, гл. 1, 10, 795. С. 734.

¹³ Там же.

¹⁴ Supplementum Hellenisticum // Berolini et Novi Eboraci. 1983. № 978. (Texte und Kommentare eine altertumswissenschaftliche Reihe; bd. 11).

¹⁵ Страбон. География. Кн. 17, гл. 1, 8, 794. С. 733.

¹⁶ Там же. Гл. 1, 10, 795. С. 734.

¹⁷ Hero. Pneumatica. I, 12; Automata, IV, 4 // Heronis Alexandrini opera quae supersunt omnia. Stutgardiae, 1976. Vol. 1. S. 90–92, 352–354.

¹⁸ Ibid. I, 41. S. 188–190.

¹⁹ Ibid. II, 10. S. 224–228.

²⁰ Ibid. I, 16; II, 4. S. 92–94; 218–220.

²¹ Афиней. Пир мудрецов. М., 2004. Т. 1, кн. 5, 200f–202b. С. 259–260.

²² Diodorus Siculus. Bibliotheca historica ex rec. et cum an. L. Dindorfii. Lipsiae, 1866. Vol. 1. Lib. 3, 36–37, 202–204. S. 269–270.

²³ P. Cair. Zen. 1 59075. Здесь и далее ссылки на папирусы даны по электронному изданию: Dublin: Duke Collaboratory for Classics Computing (DC3). Heidelberg: Heidelberger Gesamtverzeichnis der Papyrkunden Ägyptens (HGV). URL: <http://papyri.info> (дата обращения: 21. 04. 2017).

²⁴ P. Petr. 2 6 (5).

²⁵ P. Cair. Zen. 2 59157; 2 59159; 2 59222.

²⁶ P. Tebt. 1 35.

²⁷ P. Cair. Zen. 1 59033; 3 59486.

²⁸ P. land. Zen. 53.

²⁹ P. Cair. Zen. 2 59157; 2 59184.

³⁰ P. Cair. Zen. 2 59157.

³¹ P. Cair. Zen. 2 59169; P. Lugd. Bat. 20 28.